

В дни семинара обсуждение темы условий жизни сообществ не прекращалось. И ряд вопросов мы уточнили с Виктором Вахштайном уже в частной беседе.

Вам есть что сказать друг другу?

Интервью после лекции

Виктор Вахштайн,

декан факультета социологии

и политологии

Московской высшей школы

социальных и экономических наук,

старший научный сотрудник

Центра фундаментальной

социологии ГУ-ВШЭ,

Москва

— **Что делает сообщество сообществом сейчас?**

— Это вопрос вопросов! Моя гипотеза состоит в том, что сегодня сообщество создаётся уже в первую очередь не людьми и территорией, а языком и коммуникацией. Поэтому сообщества идентифицируются не по «месту в пространстве» и не по «типу людей», а по своему способу описания мира. Есть язык, есть коммуникация на нём — есть сообщество.

Поэтому, кстати, в России трудно говорить о научном сообществе (применительно к социальным наукам). Ещё труднее говорить о городском сообществе. Это понятие к нам пришло из того времени, когда город обозначал некую солидарную общность людей, живущих за городскими стенами. Сегодня город

не является никакой солидарной общностью — до тех пор, пока не происходит мобилизация горожан. Тогда на время, скажем, внешней угрозы он может стать сообществом. Питер создаётся событием протеста против Охта-Центра, Москва — защитой Химкинского леса и другими подобными ситуациями, когда возникает общий язык, какой-то общий образ города, оживляется городской миф.

— Но может быть, оно существует всё-таки как некая сущность и при столкновении с проблемой становится видимой?

— В каком пространстве может существовать такая невидимая до поры до времени сущность? В платоновском мире идей? В неокантианском царстве смыслов? Это очень привлекательный образ — невидимое «спящее сообщество». Оно дремлет, пока нет необходимости в активных действиях, но пробуждается ото сна в критические моменты. Что-то вроде хорошо спрятанного вируса. Увы, вирусная метафора сообщества тоже неубедительна. Именно потому что просыпается оно как-то нерегулярно и каждый раз проявляет себя по-разному. Легче поверить в то, что оно постоянно производится и воспроизводится здесь-и-сейчас в процессе коммуникации.

Хотя с «невидимыми сообществами» не всё так просто. В науке, которая пытается мыслить саму себя как сообщество, есть две классические метафоры. Одна из них — «республика учёных». И это отдельная история, не к нашему разговору. А вторая — «незримый колледж» или «незримая коллегия». Это как раз Ваш образ — сообщество невидимое, но от этого не менее реальное. В XVII веке так называли учёных, регулярно обменивавшихся письмами с рассказами о сделанных открытиях, комментариями, маргиналиями на полях. Потом из этого «сообщества по переписке» вырастет Королевское Общество.

Таким образом, сначала возникает коммуникация, потом в этой коммуникации формируются общие коды языка, выкристаллизовываются общие аксиомы, которые, не подвергаясь ревизии, позволяют создавать общую картину мира и намечать план действий, «повестку дня». Именно поэтому важен язык. Он создаёт оптику, он позволяет членам сообщества видеть мир определённым общим образом, разделяя явления в нём на значимые и незначимые, на случайные и закономерные, на требующие и не требующие вмешательства.

— Но эта схема понимания сообщества переводит такие известные понятия, как, например, «городское сообщество», в разряд иллюзий, мифа. Вы утверждаете, что это так?

— Городское сообщество в современном мире — это, действительно, миф. Это в равной степени и проблема города, и проблема понятия «сообщество».

Понятие сообщества размыто до отращения. И оно теряет самое главное, что в нём когда-то было — солидарность. Если я живу в этом городе, но не испытываю солидарности со всеми живущими здесь же, то это — не сообщество. Современный город, как мы все понимаем, не строится на солидарности. По сравнению с периодом возникновения городов в средневековой Европе, возникло множество новых форм координации жизни людей. И сообщество как форма такой координации утеряло свой градообразующий модус.

Конечно, в какие-то определённые моменты внешних угроз, например, часть горожан может объединиться в сообщество. Точнее, их может кто-то объединить. Но при этом следует помнить, что всякое созданное сообщество рано или поздно выходит из-под контроля того, кто его создал.

Что такое хорошо работающее сообщество? Это такое сообщество, которое сильно превосходит замысел его создателя. Но применительно к идее программы «60 параллели» следует оговориться: вы не строите городское или межгородское сообщество. Вы объединяете группу. Если эта группа людей говорит на одном языке, притягательном, сильном, пробуждающем воображение, несущем значимое содержание для других групп, возникает более широкая общность. Если эта общность становится всё более инициативной, то через какое-то время она может стать ядром кристаллизации некоего нового сообщества, которое переживёт вас.

— Пару слов о повестке дня. Как правило, она является отражением того, чем живёт сообщество. Может ли повестка дня выступать как метод выстраивания содержания, развития сообщества? Как инструмент созидания?

— Теоретически подобное понимание применимо к политическим партиям, которых, сразу оговорюсь, в нашей стране нет. Перед нами же картина простая. Люди, которых задевает одна и та же проблема, собираются в группы. (Классический пример — движение «синих

Вам есть что сказать друг другу?

Интервью после лекции

ведёрок».) У группы людей, разделяющих эту позицию, формируется общий язык, на котором они обсуждают проблему. Далее у них появляется повестка дня. В тот момент, когда происходит развитие повестки дня в программу действий, мы получаем сначала сообщество, которое может превратиться в религиозную секту или в экстремистскую группировку, а то и в политическую партию. И всё это будет примерами сообществ. (Кстати, на мой взгляд, примером самого эффективного сообщества сегодня является религиозная секта. Во всяком случае, это единственная известная мне «работающая» модель научной коммуникации. Кажется, нам нечего противопоставить атомизированному миру кроме дальнейшей герметизации небольших, говорящих на одном языке, коммуникативных группировок.)

Так что сообщество формируется не повесткой дня. Это всего лишь система различений значимого и незначимого, чёрного и белого. Если к ней прибавить ещё три элемента: *систему описаний*, которая позволяет нам описать что-то как чёрное или белое, важное или неважное, *базовый нарратив*, который позволяет объяснить, почему это так, и *программу действий*, тогда мы получаем сообщество.

Давайте поймём, для чего нам вообще разбираться с понятием сообщества? Это социальный феномен. Да, оно больше похоже на «тусовку», но с таких тусовок когда-то началась американская революция — тусовка патриотов утопила тюки с чаем, и понеслось. Люди поначалу не поняли, а это было учредительное событие (или, как сказал бы А.Ф. Филиппов¹: «Абсолютное событие первого рода»). Сколько революций в странах Восточной Европы были приведены в действие самыми странными тусовками: подпольных рок-музыкантов, диссидентствующих скульпторов? Сообщества, не управляя ничем, всегда являются мощным катализатором политических процессов. Сообщества, которые помышляют нечто создать по лекалу, технологически спроектировать, всегда утопичны — либо их творения быстро их перерастают, либо оказываются бесплодными.

Мой любимый архитектор Антонио Гауди, проектируя парк Гуэль как сочетание садов и жилых пространств, на самом деле пытался спроектировать со-

¹ Доктор социологии, руководитель Центра фундаментальной социологии Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологическое обозрение». — Прим. редакции.

общество идеальных людей. И хотя он ориентировался в основном на своих друзей, которые ему, конечно, представлялись идеальными во всех отношениях, никто не стал покупать дома в этом парке. И проект в этом социальном, «образующем» смысле провалился. Хотя как ландшафтное произведение он был прекрасен и, будучи выкуплен мэрией Барселоны, стал городским парком, потом объявлен Художественным памятником Барселоны, а позже и объектом национального значения. Что впрочем к нашему разговору уже не относится.

Вернёмся к утопическим сообщениям. История учит нас, что масштабные социальные образования могут быть результатом строительства, производства. Нации, например. Но это никогда не результат прямых проектных усилий. Это может быть отдалённым последствием чьих-то проектных усилий. Почему? Потому что сообщества — вещь *экзистенциальная*. Если вас заботит то, что в индустриальных городах мало культуры, и вы пытаетесь сосредоточить на этой проблеме как можно больше различных групп людей, то в перспективе вы можете создать некое общественно-политическое движение, но при этом нужно трезво понимать, что вы не создаёте никакое сообщество и сами, кстати, таковым не являетесь.

— Есть ли зависимость между активностью различных социальных групп и наличием в городе общественных пространств?

— Начнём с того, что у нас нет понимания того, что такое «общественное пространство». Мы называем «общественным пространством» всё, что не частное и не государственное. И кроме того, путаем общественные пространства с публичными, в которых возможно сосуществование множества незнакомых людей (при этом коммуникация между ними вовсе необязательна).

Есть другое понимание публичного пространства как пространства формирования общности, прототипом которого является греческая агора, где свободные граждане, не рабы, могут свободно коммуницировать, вырабатывая общность языка и представлений о мире. Вот эта традиция говорит о том, что дух сообщества есть производная от общих мест, мест общности. И в городах, в которых пространств, заточенных на такого рода взаимодействиях, нет, сообщества как таковые не формируются. Тут интересна история Манежной площади.

Во время её реконструкции проектировщикам была поставлена задача: сделать так, чтобы на площади не могли собираться большие толпы людей — нет ничего опаснее агоры под стенами Кремля. То есть площадь просто «заказали» — поручили убить в качестве общественного места. В итоге появилась выступающая крыша торгового центра, всевозможные завихрения малых архитектурных форм. Но как мы убедились во время недавних событий, Манежка, даже будучи изуродованной таким образом, не потеряла свойства общественного пространства. Нет прямой связи между тем, *как* устроено место, и тем, может ли оно стать местом общественных беспорядков. (Впрочем этот вопрос пока остаётся открытым.)

Классическим примером общественного пространства может быть Гайд-парк в Лондоне. Такого рода места оказываются чем-то вроде катализаторов стихийных фокус-групп. Но в нашей жизни деградация общественных пространств связана с тем, что у нас нет городского сообщества, у нас больше нет греческих полисов, у нас другая модель организации и координации жизни людей. Мы не то что на площадь, мы даже во двор более не выходим, чтобы обсудить с другими людьми проблемы жизни своего общества. Для этого мы выходим в Интернет...

Подчеркну ещё раз: сам по себе активизм, не сопровождающийся выработкой общего языка, общих кодов, общей системы различий, нежизнеспособен. Такой активизм производит изменения, но не производит сообществ. «Чистый активизм» для меня имеет смысл только как индивидуальный террор: попытка изменения внешней политической ситуации вне сообщества, в позиции контрсубъекта. Если вы хотите изменений «через сообщество», начните с себя и поймите, вам есть ли что сказать друг другу, и есть ли у вас язык, на котором имеет смысл говорить.

Вопросы задавала Юлия Неруш.